

И. Н. ЮРКИН

«...ЛУТЧИ ТОВО СЕРЕБРА, ЧТО ДЕЛАЕТЦА В ЫНЫХ ГОСУДАРЬСТВАХ»

**(Сереброплавильный завод XVII в. на р. Тулице:
неизвестная страница истории поиска
и освоения рудных богатств России)**

Средневековая Россия была государством, не имевшим собственного монетного металла. Чеканное и нечеканное серебро покупали у иноземных торговцев. В 1604 г. 29% объема импорта, поступавшего в Архангельск, составляла серебряная монета, две трети которой поставляли голландцы (закупавшие серебро в Испании) и одну четверть – англичане ¹. Производство серебра в России, причем первоначально очень небольшое, удалось наладить только в Петровскую эпоху с пуском в Забайкалье Нерчинского завода.

Трудности с удовлетворением потребности в серебре – одна из черт, длительное время определявших своеобразие российской финансовой системы и породивших ряд собственных ей проблем. Именно ею обусловлена отчетливо демонстрируемая уже с XVI в. решимость искать и найти собственные источники серебра, отсюда многочисленность энтузиастов, принимавших участие в этих поисках, отсюда пестрота их социального происхождения.

Истории разведки и попыток освоения в России XVII в. рудных месторождений, в том числе серебра, посвящена немалая литература. Один из первых опытов хронологического обзора связанных с этим событий предпринял М. Д. Хмыров ². Из новейших изданий упомянем богатую фактическим материалом монографию Е. А. Курлаева и И. Л. Маньковой, хотя и посвященную одному Уралу (впрочем, региону в данном контексте очень важному), но выводящую авторов на интересные обобщения ³.

Поиски серебра в Европейской России в сравнении с Уралом остаются исследованными в целом менее глубоко. Это огорчительно, так как остались еще незамеченные события и факты, которые могут быть квалифицированы, как далеко не рядовые.

---

¹ Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М., 2006. С. 50. В своих оценках, касающихся импорта драгоценных металлов, автор опирается в основном на данные статьи: Флоря Б. Н. Торговля России со странами Западной Европы в Архангельске (конец XVI – начало XVII в.) // Средние века. Вып. 36. М., 1973. С. 129–151.

² Хмыров М. Д. Металлы, металлические изделия и минералы в древней России (Материалы для истории русского горного промысла) / Испр. и доп. К. А. Скальковским. СПб., 1875.

³ Курлаев Е. А., Манькова И. Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005.

Данная статья посвящена истории поисков серебряной руды, проводившихся в Тульском уезде в начале 1660-х гг. Наш интерес к этому сюжету зародился два десятилетия назад при изучении давно опубликованных документов: переписных книг на железные заводы Тульско-Каширского металлургического района и записных книг, составленных при расформировании архива Приказа тайных дел⁴. Позднее, в начале 1990-х гг., были проведены полевые изыскания, которые подтвердили наличие следов серебряной руды точно в том месте, где, по данным этих источников должны были находиться производственные объекты, связанные с ее переработкой⁵. Архивные исследования последних лет выявили новые документы, позволившие выяснить многие неизвестные ранее факты, с высокой долей вероятности восстановить логику их взаимосвязи и мотивацию действий участников. Некоторые извлеченные из этих документов сведения нами уже сообщались⁶. В настоящей статье круг привлеченных документальных источников расширен более чем вдвое, причем некоторые из них публикуются здесь в полном объеме. Благодаря этому удалось существенно раздвинуть хронологические границы обозреваемых событий, отчасти реконструировать их контекст, обогатить событийную канву новыми фактами и эпизодами, углубить интерпретацию фактов известных.

Но предмет данного исследования не исчерпывается событийной историей. Опираясь на информационный потенциал темы, автор, постарается решить двойную задачу:

– с максимальной, насколько это позволяют источники, полнотой восстановить цепочку образующих сюжет событий, включая историю венчающего его развитие индустриального объекта, волей судеб оказавшимся у истока российской сереброплавильной промышленности;

– на этом материале рассмотреть некоторые характерные для практики интеллектуальных обменов России и Западной Европы в XVII в. закономерности трансляции, рецепции и сопровождающей последнюю адаптации технико-технологической информации.

---

⁴ Ссылки на публикации этих источников приведены далее. Самая первая наша публикация, подготовленная с их использованием – *Юркин И. Н.* Сереброплавильный завод XVII века на реке Тулице (материалы, предваряющие археологическое открытие памятника) // Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства. Материалы республ. науч.-практич. конф. Тула, 1992. С. 36–39.

⁵ *Юркин И. Н., Данилин В. А.* Применение неразрушающих методов исследования при охранном изучении памятников промышленной археологии // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация (Материалы науч. конф.). Рязань, 1994. С. 60–62.

⁶ *Юркин И. Н.* Металлургическая Троя России (рождение отечественной доменной металлургии: итоги, проблемы и перспективы изучения) // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2006. М., 2006. С. 123–132. На основе той же совокупности документальных источников, но более подробно, этот сюжет был рассмотрен нами в ст.: *Юркин И. Н.* Городищенские (Тульские) заводы: железный век и серебряный миг // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. Вып. 2: Сб. статей. Т. 2. История. Тула, 2007. С. 189–201.

«...Искать руды серебряной...»

Самый ранний известный нам документальный источник, имеющий отношение к излагаемой ниже истории – запись некоего распоряжения. Начало документа, видимо, не сохранилось. Первая строка начинается именем Дементия Минаина, – возможно, дьяка, записавшего устно объявленное решение. Указал государь, сказано в нем, послать на Тулу Аврама Игнатьева и с ним мастера Андреяна ...строва сына (начало патронима утрачено) в места, известные посланным, и иные, «где сведаетца», «искать руды серебряной». Приказано выделить деньги, до 500 рублей, на наем работных людей, а тем велеть копать... – названы примерные глубины. Для обеспечения содействия местной администрации предписано послать два указа – воеводам тульскому и дедиловскому. Первому – об отправке «для наряду» работников, стрельцов, пушкарей, подъячего и подвод, второму – о посылке четырех рудокопных мастеров. Говорится о выдаче 100 рублей – «на промысел, и на кормы», и на найм мастеров и работников, но не ясно, назначены они только дедиловской группе или всем. В конце – указание выдать бумагу «для всякова письма»⁷.

Запись не датирована. Но сохранившийся черновой отпуск подготовленного на ее основе указа имеет дату 24 сентября 7170 (1661) г. Как правило, указы, реализовывавшие высшее распоряжение, готовились в приказах быстро. Отсюда заключаем, что исходное решение было принято и письменно зафиксировано в ближайшие дни перед 24-м сентября.

Ниже мы выскажем соображения относительно событий, итогом которых явилось решение, определившее судьбу проекта. Пока же обратимся к упомянутому указу, данному Авраму Федорову сыну Игнатьеву, главе группы его исполнителей.

Указ исходное распоряжение расширявает и детализирует. Игнатьеву предписано ехать в Тульской уезд в такое-то село (названо конкретное место) и в иные места, «где доведетца», чтобы «сыскивать» там серебряную руду. «Буде в которых местех руда явитца», – там «земли копать в глубину». На наем работников дано ему на Москве медных денег 100 рублей, предстоящие издержки приказано записывать. «А как..., даст Бог, руда сыщется, и ему, Авраму, о том писать, и руды знак (т. е., образцы. – *И. Ю.*) прислать к нам, великому государю, в Приказ наших тайных дел, а самому дожидатца наше[го], великого государя, указу». Сообщено о распоряжениях, посланных в Дедилов по поводу рудознатцев и на Тулу о даче пушкарей или стрельцов, «для наряду» работников, для письма подъячего и подвод⁸.

Пора было приступать к работе.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 151 Дела о горных промыслах и заводах в России. Оп. 1. Д. 12. Л. 73–74.

⁸ Там же. Л. 75. Отпуск одного из отправленных воеводам указов также сохранился (Там же. Л. 76).

Царь Алексей Михайлович. Фрагмент иконы Федора Зубова «Спас Нерукотворный с предстоящими царями Михаилом Федоровичем и Алексеем Михайловичем». Москва, Оружейная палата. 1677 г. – XIX в. Дерево, темпера. Из Архангельского собора Московского Кремля. В настоящее время хранится в собрании Государственного исторического музея

Поиски и первые находки

Чтобы получить первый результат, понадобилось больше месяца. Нам не известно, как Игнатъев собирал работников, «снасти» (инструменты), как и с чьим участием налаживал работы. Но самое важное он изложил в первой своей отписке, датированной 2 ноября (судя по почерку – вероятно, при получении). В ней указаны места, где проводились поиски, сообщено о первых находках и посылке в Москву образцов, извещается о наличии в Туле специалиста-рудознатца. Приводим текст этого важного документа полностью.

№ 1.

1661 г., не позднее ноября 2. – **Отписка А. Ф. Игнатъева с сообщением о разведках серебряной руды в Тульском уезде и просьбой разрешить ее испытание**⁹

(л. 79) Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцу холоп твой Оврамка Игнатъев челом бьет. В нынешнем, государь, во 170-м году по твоему, великого государя, указу послан я, холоп твой, в Тульский уезд для серебряныя руды в деревню Ивана Кислинского и в ыных местех, где обыщетца. А де объявитца руда, и в тех местех велено мне, холопу твоему, капать велеть в глубину земли на пятьдесят сажан, чтоб даискатц[а] добрыя руды.

И по твоему, великого государя, указу я, холоп твой, в деревни Ивана Кисленско[го] руды сыскивал; и в той деревни руда по речки и в берегах у воды объявилась; а на сухих [ме]стех в горах рвы рудакопныя мастера проходили у нево ж, Ивана Кисленсково, в дерев[не] против тех мест, где руда означилась, и б...с¹⁰ ж; и в тех местех руда не объявилась; да и в ыных, государь, во многих местех в Тульском у[ез]де по речком и по низким местам подле вод такой руды объяв есть. А какова руда сыскана в деревни Ивана Кислинскава, и той руде знак послал я, холоп твой, к тебе, великому государю, с ыноземцом с Ондрьяном Корковеным¹¹.

⁹ Здесь и далее разбивка на абзацы наша.

¹⁰ Одно или два слова не разобраны.

¹¹ Чтение предпоследней буквы предположительное: сохранилась только левая часть.

Да на Туле государь в полку боярина и воеводы князя Федора Федоровича Куракина есть иноземец нововыезжей моеор у пехоты Мортин Иванов сын Клерент; сказывают, что он руду серебряную знаят и плавить ее умеят; и я, холоп твой, ево, моера ¹², призывал, и места ему то, где руда обыскана, указывал, и знак руде показывал; и он сказал мне, холопу моему, что то подлинная серебряная руда, а есть де в ней же и свинец, // (л. 80) и сера, и он, моеор, руду серебряную переплави[ть] и с сераю, и свинцом розделить умеят; и в том я, холоп твой, взял у нево сказку ево рукою; а переплавить тое руду хочет и опыт учинить вскоре для тово, что много ли в ней серебра радитца; а что ему к переплавки надабна каких статеи, и он мне подал роспись; и я, холоп твой, ево, моеорову, сказку и роспись послал к тебе, великому государю, под сею отпискаю. И о том мне, холопу моему, вели свой, великого государя, указ учинить, и опыт ис той руды ему, моеору, переплавить, чтоб, не опытав тое руды, твоеи, великово государя, казне напрасна убытка не учинить ¹³.

Документ, в общем, достаточно ясен. Остановимся лишь на одной его детали, связанной с технологией производства поисковых и горных работ.

В исходном распоряжении изыскателям приказано было копать в глубину сажений «по пяти десят и больши». В отписке Игнатьева значится «на пятьдесят» (курсивом обозначены выносные). В документах той поры разделение на слова, конечно, соблюдалось, но не всегда достаточно строго и отчетливо. Последнее порождает неясности интерпретации. Мы не уверены в правильности приведенного слитного чтения – возможно, следует читать раздельно: «пяти, десяти» и, соответственно, «пять-десять». При существовавших тогда способах проходки (крепление не производилось) углубиться на 50 саж. (около 108 м) кажется нам технически невозможным. В Децилове, где десятилетиями добывалась железная руда, «ямы» (дудки) заглубляли всего на 6–12 сажень, причем подобные работы по государеву указу проводились только «зимнею порою» ¹⁴. На помощь Игнатьеву было предписано послать мастеров именно из Децилова, – по-видимому, упомянутые в отписке «рудокопные мастера», которые осуществляли земляные работы, были как раз оттуда. Независимо от распоряжений, полученных Игнатьевым, они должны были ориентироваться на привычные им представления о безопасности. Пробиваться на столь значительную глубину, тем более в осеннее влажное время, они, полагаем, не решились бы. Тем более, что, хотя Игнатьев упоминает о «сухих местах в горах», где эти мастера проходили свои «рвы», больших гор близ реки Тулицы (поблизости от которой находилось поместье Кисленского) вообще нет. А это значит, что, углубляясь, ровщики неизбежно столкнулись бы с проблемой грунтовых вод. Но, судя по умолчанию, не столкнулись, из чего следует, что, пренебрегая указом, «рвы проходили» неглубоко. Думаем, не случайно Игнатьев не упоминает об их глубинах – реальные на фоне предписанных выглядели слишком уж скромно. А все достойные внимания образцы

¹² Здесь и несколько раз далее средняя буква в этом слове более похожа на «ю», чем на «е». В настоящей публикации данного и других документов той же руки условно принимаем традиционное написание этого слова.

¹³ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 79–80. Подлинник. На Л. 79 об. адрес: Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу. Там же помета другим почерком: 170-го ноября в 2 день.

¹⁴ Крепостная мануфактура в России. Ч. 1: Тульские и Каширские железные заводы. Л., 1930. С. 29.

оказались найдены «по речки и в берегах у воды», где, похоже, ровщики вообще не копали.

Отписка Игнатъева имела приложение: сказку майора по имени Martin Klüring. При многообразии фонетических форм (не менее трех), в которых его фамилия предстает далее в русскоязычных документах, примем за основу одну из этих транскрипций, а именно *Клерент*.

Сказка Мартина Клерента была в приказе переведена. Предлагаем читателю этот современный событиям перевод:

№ 2.

1661 г., ранее ноября 2. – **Сказка майора Мартина Клерента**

(л. 83) Перевод с немецкого письма.

Его царскому величеству нашему всемилостивейшему царю и государю.

Яз, подданственный слуга и раб, по повелению и указу его царского величества на Тулу поехал; а будучи на службе на Туле, выразумел есмь от Оврама Федоровича да от Ондреяна Кярковна, что ево царскому величеству горазд[о] полюбитца, когда бы нехто немчин был, которой бы знал сребреную руду копать. А понеже я в Немецкой земле у курфирской пресветлост[и] Сохсонской того научился есмь, и я в том его царскому величеств[у] должную свою службу объявити хочу; и потому бью челом: понеже его царское величество на многие вещи великие протори накладывать хочет, чтоб его царское величество небольши[е] протори на отпыт указать изволили; а я надеюся поможию Божию ис той руды, что Обрам Федорович да Андрейан и я у Городища нашли, серебро делать. // (л. 84) А я всем тем, что Обрам Федорович да Андрейан и я у Городища нашли, серебро делать, сколько возможно, и Божие благословен[ие] ожидать готов.

Мартин фон Кляринк, моеор ¹⁵.

К приложению имелось свое приложение: «Роспись, что надобно к отпыту, чем переплавливать серебро», содержащая перечень химических веществ, инструментов и литературы, необходимой для испытания серебряной руды. Клерент просил «розводной вотки 1 фунт, серы горячие 2 фунта, водки медныя 2 фунта, каменные соли 20 фунтов, белые серебориные (так. – *И. Ю.*) водки 2 фунта; антимонию 6 (?) фунт; свинцу 10 фунтов;... 3 камени, на чем отведают ¹⁶: один лазоревой, другой красной, третьей черной;... доброй маетник» и еще две книги ¹⁷, о которых будет сказано отдельно.

Покрытая туманом предыстория

Здесь представляется уместным прервать изложение событий в их хронологическом порядке и вернуться к *самому* их началу, в имеющихся в нашем распоряжении документах не отраженному. Другими словами – к предыстории.

¹⁵ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 83–84. Перевод.

¹⁶ Далее зачеркнуто: «серебро и иное».

¹⁷ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 85.

В рассмотренной выше записи царского распоряжения о начале поисковых работ обратим внимание на сведения о месте их проведения. «А в котором месте руда, – сообщает источник, – и то места знает гранатной мастер Андриян, а в другом месте знает сам Аврам». И дальше: «капать им велеть... в Тульском уезде в стану Старом Городищи поместье Ивана Филатьева сына Кисленкова в селе Дорофееве да и в ыных местех, где сведаетца»¹⁸.

Не ясно, находились ли места, известные Игнатьеву и Андриану, оба в границах поместья Кисленского, или упоминание последнего раскрывает лишь один из точных адресов, или, наконец, ни одно из них с землями Кисленского прямо не связано. Но это не так уж и важно. Важно же, что на момент принятия решения о разворачивании работ уже были известны точные места, где ожидалось открытия. Это возможно только в том случае, если руду там искали раньше и нечто привлекшее внимание – рудные проявления – обнаружили.

Участниками этих предварительных работ с очень высокой вероятностью можно считать Игнатьева и мастера Андриана, которые, судя по наличию у каждого собственного заветного места, предварительно действовали независимо друг от друга. Если об участии Андриана, упомянутого лишь несколько раз и все вскользь, сказать в этой связи нечего, то ситуация с Игнатьевым принципиально иная.

Игнатьевы – дворянский род, тесно связанный с Тульским уездом. В самом раннем сохранившемся писцовом описании Тульского уезда (1588–1589) в числе помещиков упомянуты четверо представителей этого рода¹⁹. На географическом чертеже второй половины XVII в. земель вдоль реки Тулицы (протекавшей по Старогородищенскому стану Тульского уезда мимо того самого Городища, близ которого были найдены руды, чтобы «серебро делать») указано имя некоего Кирилы Игнатьева, совладельца деревни Торхово²⁰. Его имя встречаем и в документах, связанных с историей ранней мануфактуры: в отказных книгах подьячего Сергея Севергина боярину Л. К. Нарышкину на Тульские, Каширские и Алексинские заводы марта 1690 г. К. И. Игнатьев присутствует в качестве хозяина части земель, на которых разместились заводы Городищенские (Тульские)²¹.

В более ранней переписной книге – стольника Афанасия Фонвизина по Тульским и Каширским заводам декабря 1662 г. – фактически на том же месте или рядом встречаем поместье еще одного Игнатьева, Аврама (Обрама). Его земли располагались на левом берегу Тулицы ниже (по течению реки) владений Венева монастыря (т. е. где-то в районе Торхова) и нанимались у

¹⁸ Там же. Л. 73–74.

¹⁹ Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 2. Гл. 11. Тула и Тульский уезд. СПб., 1877. С.

²⁰ РГАДА. Ф. 383. Оп. 1. Д. 121. Прочие совладельцы – Яков Лихорев, Киприан Сухотин и Тимофей Иванович Ржевский, воевода, убитый в 1705 г. во время восстания в Астрахани.

²¹ «В Тульском уезде на речке на Тулице построен верхней железной завод на наемной земле по правую сторону речки Тулицы Тимофея Иванова сына Ржевского пустошь Торхова да на патриарше приписного Венева монастыря на пустоши, что бывала старое Тульское Городище, а выше той Тимофеевой и монастырской земли наемная ж земля Кирилы Иванова сына Игнатьева да Киприяна Иванова сына Сухотина» (Крепостная мануфактура... С. 136, 137).

владельца заводчиками за 12 рублей в год ²². Это, конечно, он, наш искатель серебряной руды – совпадают и имя, и место, и время.

Кисленские (еще один тульский дворянский род) были недалёкими соседями А. Игнатъева. Упомянутое в царском распоряжении село Дорофеево находилось близ Торхова к югу от дороги из Тулы на г. Венев. В середине XIX в. оно имело тройное название: кроме известного нам, именовалось также Панским и Толстым ²³. Кисленские, им владевшие, одно время были родом, в стане Старое Городище доминировавшим ²⁴. Один из них, Филат Софонтьевич, по сведениям десятины 7130 (1621/22) г., владел землей с крестьянами и бобылями на ней в сельце Нечаевском и трех находившихся в том же стане пустошах. В других уездах, по прямому указанию составителя той же десятины, поместий и вотчин у него не было ²⁵. Сорокалетний хронологический интервал, разделяющий источники, позволяет допустить, что он был отцом того Ивана Филатъевича, во владении которого в начале 1660-х гг. искали серебряную руду ²⁶.

Нет сомнения, что коренной житель этих мест А. Ф. Игнатъев хорошо знал окрестности своих владений, в том числе и земли близ принадлежавшего Кисленским села Дорофеева. Для реконструкции предыстории поисков (во всяком случае, построения правдоподобной их версии) осталось подобрать единственное пока недостающее звено: свести его с рудознатцем. В документах фигура Клерента впервые высвечивается в отписке, посланной Игнатъевым в Москву в ноябре. О времени знакомства с ним ее автор не упомянул – известил только, что есть поблизости некий разнообразно квалифицированный офицер-иностранец, что он его к себе призывал и показывал ему руду. Но когда это было – до или после 24 сентября? Живший поблизости от Тулы помещик и майор стоявшего в городе полка вполне могли быть знакомы давно: в Туле, городе сравнительно небольшом, все, тем более приезжие, были на ви-

²² «Приказчик же Томос сказал, что под Городищенскими всеми заводы наемные земли по обе стороны речки Тулицы разных помещиков: от первого заводу вниз по речке с левой стороны берег Венева монастыря дер. Слободки; *от тое земли пошла земля Обрама Игнатъева и до нижней мельницы*; от тово ж верхнево заводу по правой стороне по той же речке Тулице земля вдовы Натальи Веденихтовской жены Сухотина; от тое земли пошла земля Микиты Пучкова и до нижней мельницы. А оброку за те земли платят на год в Венев монастырь по 6-ти руб., Авраму Игнатъеву по 12-ти руб. по доброту без записей, вдове Наталье по 40 руб., Миките Пучкову по 6-ти руб., наймут по записям, а на сколько лет у всех нанято, того приказчик не упомянит» (Крепостная мануфактура... С. 28).

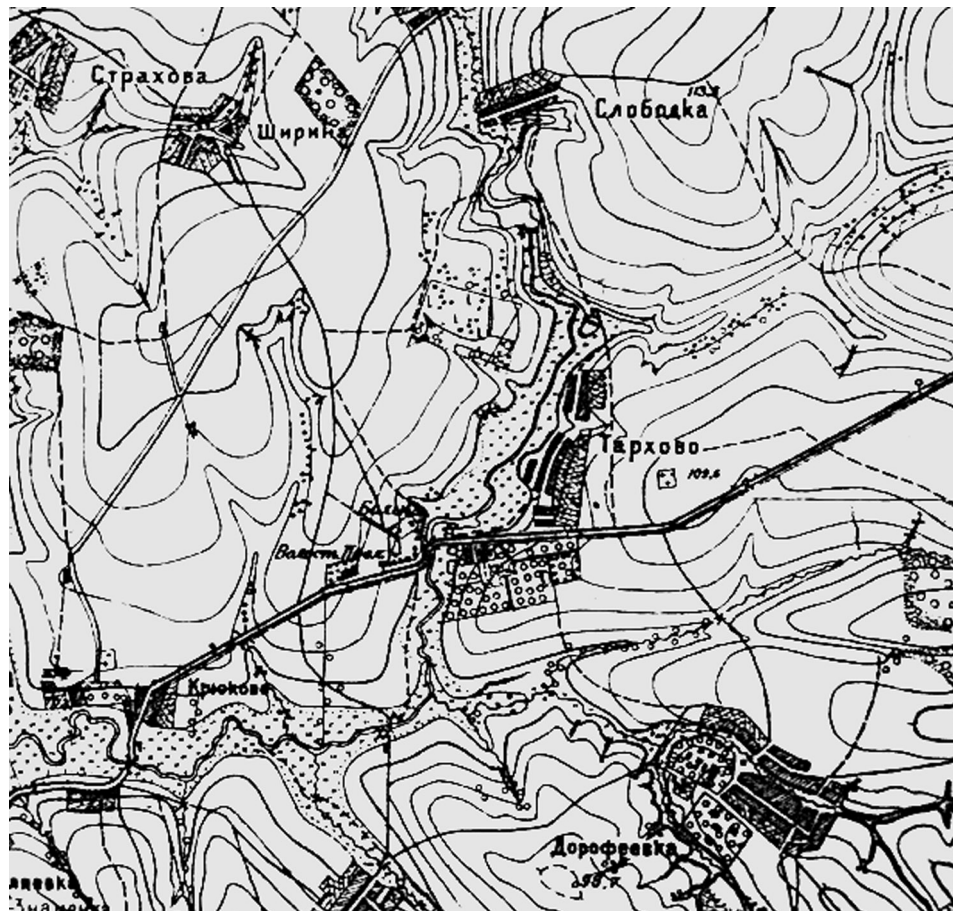
²³ Андреев Н. Ф. Библиографические справки о Виниусе // Тульский край. Памятные даты. 2006. Тула, 2005. С. 204. Сведения о топографии и топонимике местности, в которой располагались заводы, см.: Юркин И. Н. Научный комментарий к статье Н. Ф. Андреева «Библиографические справки о Виниусе» // Там же. С. 210–236.

²⁴ В тульской десятне 7130 (1621/22) г. (Государственный архив тульской области (ГАТО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 404) упомянут 21 представитель служилого сословия человек, имевший владения в границах Старогородищенского стана, и треть из них носила фамилию Кисленские. Наличие у них долей в одних и тех же пустошах свидетельствует о том, что они были родственниками, причем в большинстве – не дальними.

²⁵ ГАТО, Ф. 1. Оп. 1. Д. 404. Л. 37.

²⁶ Несколько смущает, впрочем, тот факт, что как раз Дорофеево в числе владений Ф. С. Кисленского в десятне и не упомянуто. Но сорок лет – большой срок. Не счесть случаев, когда состав помещичьего хозяйства неузнаваемо менялся за куда более короткое время.

Район близ сел Торхово и Дорофеево (на карте Торхово и Дорофеевка) Тульского у. Тульской губ. Фрагмент листа LXXI-54 топографической карты 1919 г. Масштаб 1:42000 (при воспроизведении изменен). Горизонтали через 4 саж. по высоте

ду. Очень соблазнительно предположить, что не только могли, но и *были*. Клерент – самый близкий (территориально) Игнатьеву известный нам специалист, который мог ему сообщить, что тот в буквальном смысле слова ходит по серебру. Вполне возможно, что Игнатьев, завороженный открывавшейся благодаря этому обстоятельству головокружительной перспективой, подал челобитную с просьбой разрешить поиски этого серебра, поддержать их материально и назначить его их руководителем.

Если все так и было, то подача заявки именно Игнатьевым выглядит вполне разумным решением. Подбор руководства определялся административной практикой, общей для кадрового обеспечения целого ряда государственных поручений: во главе экспедиций ставился, как правило, служилый человек ²⁷.

²⁷ Курлаев, Манькова. Освоение рудных месторождений... С. 104.

Лица, не удовлетворявшие этому цензу, оказывались на вторых ролях, даже если именно они заявляли об открытии. Примерно в то же время, когда шли работы под Тулой, о находке серебряной руды известил некто Ивашка Яковлев. Сословное положение Яковлева – он был «человеком» (крепостным или дворовым) Андрея Свищова – не позволяло возложить на него столь ответственное поручение. Проверить сообщение поручили Кириле Арсеньеву, вскоре назначенному воеводой в Кадом, в уезде которого, на речке Лисей, и велись поиски. Яковлев, рассчитывавший на награждение в случае успеха, был обижен, работы по мере сил, похоже, саботировал, не раз бывал за это наказан, на что жаловался в сохранившейся челобитной (обвиняя в неудачах, разумеется, Арсеньева и своего хозяина)²⁸.

Статус майора Клерента был неизмеримо выше, чем у Яковлева. И все же успех поддержки заявки, поданной от состоявшего на военной службе иностранца, вызывал сомнение. Более естественным представлялось поручение работ вполне подходившему для такой службы представителю служилого дворянства, каковым и выступал Игнатъев. Кроме того, Клерент, возможно, более трезво смотрел на перспективу работ и не исключал возможности неудачного их исхода. Осторожность подсказывала спрятаться на время за чужую спину, отойти в тень, отложив реванш до минут торжества.

Впрочем, помимо Клерента, существует, как минимум, еще одна фигура, которая, в принципе, могла бы заменить его в качестве первооткрывателя дорофеевской руды, причем на нашем горизонте она уже появлялась. Привлекательное интерес имя содержит запись в составленной в 1676 г. переписной книге документов Приказа тайных дел. В ней описан столбец, содержащий отпуски государевым грамотам, касавшимся Кирилы Арсеньева, Матвея Кровкова и дьяка Василия Шпилькина, независимо друг от друга занимавшихся разведкой полезных ископаемых. Грамоту к Арсеньеву отправляли в Тульский уезд, о нем и Кровкове сказано, что они «сыскивали» первый «на Туле серебряной руды», второй – «в Муроме слюды». Текст самой грамоты (или грамот) в переписной книге, естественно, отсутствует, равно как нет и ее даты (их дат). Единственное, что позволяет поместить ее в хронологический ряд – граничные даты документов, входивших в данный столбец: 170–174 гг., что соответствует периоду с 1 сентября 1661 года по 31 августа 1666 года²⁹. Интервал можно, однако, заметно сузить, ограничив датами 12 мая 1662 года – 11 ноября 1664 года, – на более ранний и поздний срок сохранились записные книги Приказа³⁰, фамилия Арсеньева в которых отсутствует.

Что это за Арсеньев и идентичен ли он упомянутому кадомскому воеводе?

Родословная роспись упоминает четверых Арсеньевых с именем Кирилл, живших во второй половине XVII века. Возможным претендентом на роль изыскателя серебряных руд, кадомской и тульской, выступает московский дворянин Кирилл Юрьевич Арсеньев, основные сведения о котором охваты-

²⁸ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.

²⁹ Русская историческая библиотека. Т. 21. Дела Приказа тайных дел. Кн. 1. СПб., 1907. Стлб. 144.

³⁰ Год 169-й, полностью – там же, стлб. 959–997; год 170-й, с сентября по 11 мая вкл. – там же, стлб. 997–1012; год 173-й, с 12 ноября – там же, стлб. 1011–1106; год 174-й – там же, стлб. 1105–1220.

вают 1662–1686 гг.³¹ Будучи связанным с Тулой (Арсеньевы – еще один род, издавна принадлежавший к здешнему дворянству), он, что выделяет его из круга одноименных однофамильцев, прежде уже участвовал в поисках благородных металлов: в 1633 г. посылался в Великую Пермь на поиск золотой руды. В ходе этой короткой экспедиции золото найдено не было, но удалось отыскать медную руду, позволившую построить медеплавильный завод (Пыскорский). Руководители, мастера и пятеро служилых дворян, в их числе стольник Кирила Арсеньев, были вознаграждены³².

Тридцатилетний разрыв между событиями (1633–1662–1664) несколько настораживает, но не делает невозможным его участия в обоих. Многолетнюю связь К. Ю. Арсеньева с работами по поиску руд вполне надежно подтверждают документы (из того же архивного дела, где отложились бумаги об отряде Игнатъева-Клерента), касающиеся работ, которые тот проводил в Кадомском уезде, будучи там воеводой³³ – они относятся как раз к 1664 г. Если К. Ю. Арсеньев, руководивший изыскательскими работами в Перми и Кадоме, – тот же, о котором в грамоте Приказа тайных дел сказано, что он и на Туле «сыскивал» «серебряной руды» (а это более чем вероятно), то не исключено, что он – еще одна фигура, прямо или косвенно причастная к работам 1661–1662 гг. на Тулице, организованным и курировавшимся тем же приказом.

Так не он ли, скорее всего представлявший, как должна выглядеть серебряная руда, просветил Игнатъева по поводу природных богатств тульской отчины?

Опыт «малою статьею»

Ответный указ на отписку Игнатъева последовал 8 ноября. Он сыграл важную роль в последующих событиях: высказанные предложения были поддержаны.

№ 3.

1661 г., ноября 8. – **Указ А. Ф. Игнатъеву о проведении испытания найденной руды**

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя и Белья России самодержца Авраму Федоровичю Игнатъеву.

Писал еси к нам, великому государю, что для опазныванья серебряные руды надобен тебе Одреева полку Франзбекова маеор Мартын Клерик, а что ему серебряные руды к опыту надобно каких составов, тому прислал ты роспись.

³¹ Из рассмотрения нельзя исключить и стольника Кирилу Мартемьяновича Арсеньева, рядчика в драгуны ефремовских детей боярских в 1659 году.

³² Курлаев, Манькова. Освоение рудных месторождений... С. 110, 141.

³³ Это, в частности, отписка Арсеньева от 13 июля 1664 г. с сообщением о результатах работ близ речки Лисей, приказная выписка (после 24 того же месяца и года), содержащая изложение другой его отписки и сведения о результатах испытания полученной в Москве руды, ряд недатированных документов: уже упоминавшаяся челобитная Ивана Яковлева с жалобами на самоуправство и «нерадение» Арсеньева, жалоба стрельцов, посланных с ним в Кадомский уезд для «государевой серебряные руды» (именно в ней указано его отчества) и др. (РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 11, 32, 71–72, 94).

И о посылке к тебе того маеора наша, великого государя, грамота к боярину нашему и воеводе ко князю Федору Федоровичю Куракину с товарищи и против росписи составы посланы к тебе генерала-поручика Николаева полку Бовмана с прапорщиком с Ываном Чернышовым. И как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, а Иван Чернышов на Тулу приедет, и ты б у него нашу, великого государя, грамоту, что послана к боярину нашему и воеводе ко князю Федору Федоровичю Куракину с товарищи, о посылке к тебе моеора Мартына Клерика, приняв, послал тотчас, а составы принял по росписи, какова послана с ним, Иваном. И как Мартын прислан будет, и ты б ему о серебряной руде велел чинить опыт, не мотчав. И тот опыт прислал к нам, великому государю, к Москве с прапорщиком с Ываном Чернышовым тотчас. Писан на Москве лета 7170-го ноября в 8 день ³⁴.

Действительно, предложение параллельно с испытаниями в Москве проводить проверку руды еще и на месте силами Клерента выглядело соблазнительным. Перевозка образцов даже из сравнительно недалекой от столицы Тулы была сопряжена с хлопотами и, главное, требовала времени. Поиски могли затянуться, а поездки затягивали их еще больше. Конечно, Клерент был пока «темной лошадкой», ни о чем определенном, кроме наличия амбиций, из его сказки заключить было нельзя, опыты вполне могли закончиться ничем. Но могли и успешно. Расходы, которые могли оказаться напрасными, были, казалось, не так велики, чтобы не пойти на риск.

Уже через несколько дней после получения отписки Игнатьева было сделано многое. Подготовили указ воеводе Ф. Ф. Куракину о прикреплении к поисковой группе майора-рудознатца, приступили к сбору «составов» (химических реагентов), запрошенных для проведения плавок, и выслали их с Иваном Чернышевым, прапорщиком полка генерала Николая Баумана. Сухая проза документа проникнута надеждой на скорую удачу: по прибытии Клерента «чинить опыт» велено, не мешкая.

Грамота из Приказа тайных дел была получена Игнатьевым 16-го; ответная отписка доставлена Чернышовым назад, в приказ, 23-го того же ноября. Руководитель группы сообщил, что составы принял. Воевода майора ему «отдал», но тот первым делом потребовал предоставления упомянутой в прежней своей росписи технической литературы – в отсутствии таковой «подлинново прямово опыту из руды переплавить не мочно, потому что то де дело мудроя», наизусть ему «многово не упомнить», и вообще, «токова дела отбыл де он давно», находясь на военной службе. Но от обещаний своих Клерент не отказался: сказал, что, ожидая требуемого, «хочет печь класть и руду пережигать – все готовить, сколько чеву ему можно делать». И все же у Игнатьева, похоже, стали закрадываться сомнения относительно Клерента. Во всяком случае, в данном им обещании известить, «что... ево, Мортыново, заводу и мостерства впредь будет», уверенности в безусловном наличии этого мастерства, побуждавшей в прежней отписке ходатайствовать о прикомандировании, уже не слышно.

Между тем Приказ тайных дел разыскал какую-то подходившую к делу книгу и 24 ноября отправил ее с посылным – поручиком Андреем Новротским. В посланной с ним грамоте (от предыдущего числа) Игнатьеву предписали, чтобы он, ее приняв, «велел маеору Мартыну Клерику из серебряной руды опыт учинить тотчас», пока же прислал в Москву с возвращающимся по-

³⁴ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 89. Отпуск или беловая копия.

Поиск руды. Фрагмент рисунка из рукописи В. Де Генина «Описание Уральских и сибирских заводов». 1735. (Рис. 3–5 взяты из кн. Старый Невьянский завод. Екатеринбург, 2001)

ручником фунта 3–4 серебряной руды ³⁵. В ответе Игнатьева (недатированном, но, судя по косвенным данным, первой декады декабря ³⁶) – известие о первой опытной плавке и ее результате. Познакомим читателя и с этим текстом, достойным внимания благодаря содержащейся в нем разнообразной, в том числе, историко-технической, информации.

№ 4.

1661 г., декабря до 14. – **Отписка А. Ф. Игнатьева с сообщением об опытной плавке тульской серебряной руды, проведенной М. Клерентом**

(л. 86) Государю царю и великому князю Алексею Михайлович[ю] самодержцу холоп твой Аврамка Игнатьев челом бьет.

Нынешнево, государь, 170-го году ноября в 29 день прислана твоя, велик[о]во государя, грамота из Приказа тайных дел ко мне, холопу твоему, за при-

³⁵ Там же. Л. 91.

³⁶ Указ из Приказа тайных дел, ответом на который является данная отписка, был получен на Тулице 29 ноября. Входящая дата, представленная на отписке в Москве – 14 декабря. Так же датирована помета переводчика под текстом приложенной к ней сказки Клерента (Там же. Л. 86, 93 об., 93).

пи[сь]ю дьяка Деменьтъя Башмакова с порутчиком с Ондреям Новротцким да и книг[а] серебряному делу по сказки и по росписи моера Мартына Клерика; а по тв[о]ему, великово государя, указу велено ем[у], моеру, из сребренья руды опыт учинить и тот опыт прислать к тебе, великому государю, запечатов, с ним жа, с Ондреям Новротцким.

И по твоему, великово государя, указу я, холоп твой, маеру Мортыну Клерику велел по прежней ево сказки опыт зделать; и он, Мортын, руду пережигал и опыт в горшках в глиняных делал, а клал в горшки руду толчоною да свинец против руды весом тяжеля в семеро, а вытопил из той руды и ис свинцу слиток небольшой, и свинцу же весу в нем тритцать золотников; а он, моеор, сказывает, что серебро в том слитки есть; и я, холоп твой, тот ево опыт послал к тебе, великому гсдрю, запечатов, с Ондреем Новротцким.

Да он жа, моер, сказал мн[е], холопу твоему, дастаточно де он з[нает?], // (л. 87) что то подлинно серебряная руда; и серебро из ней будет выход наициста лутчи тово серебра, что делаетца в ыных государьствах; а тот де ево первой опыт делон у нево не прямым мастерством и уставом, без печи, потому что хотелся де была ему учинить опыт малою статьею и скорым обычаем без печи.

А ныне он, моер, говорит мне, холопу твоему, чтоб ты, великии государь, указал ему другой опыт учинить и прямым мастерством, как у них ведетца, и чтоб ему скласть плавильнаю печь, в чем бы была разделить серебро с свинцом и со всякаю рудую; а что ему к премому опыту надобно – и он, моер, подал мне, холопу твоему, роспись за рукою; и тое ево роспись послал я, холоп твой, к тебе, великому государю, под сею отпискаю. А без твоево, великово государя, указу я, холоп твой, другово опыту ему, моеру, велеть учинить и по росписи ево заводу устроить не смею, смотря по прежн[е]му ево опыту, что и в прежнем ево опыту серебра не объявилось.

И о том мне, холопу ³⁷ своему, что ты, великии государь, укажешь ³⁸.

Итак, первый, выполненный в глиняных горшках опыт, не удался – «вытопился» небольшой, в 30 золотников, слиток, внешне неотличимый от свинцового. Плавильщик утверждал, что серебро в нем присутствует, а то, что оно не отделилось, списывал на допущенное упрощение технологии. Теперь он готов был делать «прямой» опыт, для проведения которого требовал квалифицированных помощников (кузнеца, печника, горшечника) и новые «снасти» по росписи.

Но семена недоверия, недавно посеянные в душе Игнатъева, укоренялись. Без прямого указа государя, «смотря по прежн[е]му ево (Клерента. – И. Ю.) опыту, что и в прежнем ево опыту серебра не объявилось», начинать новые испытания, к тому же требовавшее значительной подготовки (в отписке первые мелькает слово «завод»), он не решался. На все царская воля: «о том мне, холопу своему, что ты, великии государь, укажешь».

³⁷ В ркп.: хопу.

³⁸ РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 86–87. Подлинник. На л. 86 об. адрес: Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцу. По нижней склейке остаток утраченного текста: «...[для?] сыску / [се]ребряной / [р]уды...»

Приступаем к постройке завода

Еще раз напомним, что первый врученный Игнатьеву указ (от 24 сентября 1661 г.) предписывал ему, обнаружив руду, прислать в Приказ тайных дел ее «знак», после чего дожидаться распоряжений. То есть, первоначально экспедиция задумывалась исключительно как геологоразведочная.

Благодаря появлению на сцене Клерента, бравшегося за опытные плавки на месте, ничего при этом не прося (кроме разрешения и необходимых материалов), ситуация изменилась. Предложенные услуги были приняты, попытка произведена. Новое его предложение – «скласть плавильную печь» – раздвигало рамки проекта, обогащая список целей установлением промышленной ценности найденного. Эта инициатива Клерента стала первой строчкой, превращавшей вышеизложенное в предысторию уже не *поисков серебряной руды* (похоже, было решено, что та найдена), но *создания сереброплавильного завода*.

Письмо Игнатьева сопровождала полученная от Клерента новая роспись, содержащая перечень дополнительных материалов для проведения нового, еще не полупромышленного, но приближающегося к таковому эксперимента. В ней упомянуты специальности мастеров, нужных для намеченных работ, материалы (свинец), оборудование – железные доски, мехи, иготь (ступа)³⁹. Судя по этому документу, настрой Клерента оставался беспримесно оптимистичным – он был уверен в необходимости не только продолжения, но и расширения работ.

Но решительность майора упиралась в нараставшую осторожность Игнатьева. Возможно, задумались и в приказе. Во всяком случае, там была составлена выписка с изложением последней депеши Игнатьева и перечислением того, что просил Клерент⁴⁰. Учитывая, что прежде переписка между Москвой и Тулой появлением таких текстов не сопровождалось, выписку следует рассматривать в качестве документа, предназначенного для чисто внутреннего, московского употребления – скорее всего, для доклада царю. Алексей Михайлович и так, вероятно, был в курсе работ на Тулице (на то и существовал Приказ тайных дел, чтобы в тесном контакте с царем курировать работы, наиболее важные с точки зрения последнего). Но в данном случае перед нами дополнительное, хотя и косвенное, свидетельство личного государева к ним внимания.

18-го, то есть спустя четыре дня по получении отписки Игнатьева, в Приказе тайных дел был приготовлен ответный указ, на следующий день отправленный в Тулу с очередным посланцем. Игнатьеву поручалось сразу же по получении указа велеть Клеренту «серебряной руды учинить другой опыт». Все нужное для этого предлагалось купить в Туле, там же нанять на время кузнеца и «пешника». В Тулу, гласит пословица, со своим самоваром не ездят. Помня об этом, заказанные мастером железные доски из Москвы не повезли – их разрешалось «взять, где доведетца», что, скорее всего, должно было привести покупателя на ближайшие к месту работ Городищенские (Тульские) заводы. Любопытная деталь, свидетельствующая о том, что в Москве Клерент доверия не потерял. Хотя Игнатьев данный вопрос в предыдущем письме не

³⁹ Там же. Л. 88.

⁴⁰ Там же. Л. 97–98.

поднимал, ему напомнили о необходимости оплаты услуг плавильщика: «А Мартину буде наше, великого государя, жалованья кормовых денег не даю[т], и ты б иму те кормовые дачи давал ис тех денег, которые присланы с тобою с Москвы»⁴¹.

В руки Игнатьеву грамота попала 22 декабря. Ответ он отправил, по-видимому, сразу же. Новостей у него фактически не было – они ограничивались известием, что он «моюру велел ис серебряных руды зделать другой опыт. И он, моер, – передавал Игнатьев, – сказал мне, холопу твоему: опыт он, моюр, зделает»⁴².

В ближайших следующих отписках естественно ожидать самого интересного – описания второй плавки, выполненной, как обещал Клерент, уже на саксонский манер – в плавильной печи. К великому сожалению, этих документов в деле, которому все это время мы прилежно следовали, нет. Не удалось их пока обнаружить и в составе других документальных комплексов.

Год 1662-й

Самый поздний имеющий отношение к тульскому сюжету документ в данном деле – отписка из Тулы Василия Мясново (судя по всему, на тот момент здешнего воеводы), упоминающая о работах, которые вел Игнатьев.

В ней сообщается о полученных им из Москвы двух указах, одновременное исполнение которых вызывало у него затруднения. Первый, из Приказа тайных дел, полученный в Туле 7 апреля 1662 г., обязывал его, «как Аврам Игнатьев учнет» к нему «писать и присылать о кузнецах, о плотниках, о гончарах», их к нему по отпискам и присылкам посылать «тотчас безо всякого мотчанья для сыску и плавенья серебряных руды». Вторым, полученным из Приказа каменных дел всего 5 дней спустя, требовал отравить «к Москве х каменным и х кирпичным делам» каменщиков и кирпичников – «даточных» тотчас, а записных – «за неделю Егорьева дни вешнего». Опираясь, по-видимому, на опыт прежних подобных сборов, он содержал подробное описание мер, которые должен был предпринять воевода, если они «в сыску не обявятца»⁴³. Тотальный характер командирования при неограниченной сроком продолжительности⁴⁴, продуманность действий в адрес тех, кто не подчинится приказу – все это Мясново, адресата указа и исполнителя его предписаний, должным образом впечатлило. Гончара, который мог понадобиться Игнатьеву, ему пришлось бы выбирать из той же профессиональной группы, которую другим указом в категорической форме было предписано в полном составе отправить в столицу. Мясново просил разъяснить, как ему в этой ситуации поступать: «к Москве ль их выслать или велеть быть в Тульском уезде для сыску и плавенья серебряной руды?»⁴⁵.

⁴¹ Там же. Л. 96.

⁴² Там же. Л. 95.

⁴³ В отношении даточных предписывалось вместо них «даправить помещиков и вотчинник[о]в и на прикащика[x], и на старостах, и на крестьянех и иных даточных; а даправя, дав их на поруки, з записью выслать... к Москве з даточными ж вместе»; в отношении записных предусматривались санкции в адрес членов семей – вплоть до объявления уклоняющихся заключение в тюрьму их жен и детей (Там же. Л. 118, 119).

⁴⁴ О даточных прямо сказано, что они посылаются бессрочно (Там же. Л. 118).

⁴⁵ Там же. Л. 118, 119.

Однозначно связать информацию этого документа с предшествующей не удается. Мы помним о декабрьской просьбе Игнатъева по поводу печника и горшечника, помним о данном ему тогда же разрешении нанять печника в Туле. Но указы Мясново – апрельские. Хватило ли трех с лишним месяцев, чтобы завершить строительство плавильной печи, или до решающего эксперимента дело так и не дошло? Обратим внимание на некоторое различие в форме обеспечения работ специалистами. В раннем указе Игнатъеву печника предлагается нанять на время без уточнения места, где именно. В более позднем Мясново – предписано послать его к Игнатъеву по письменному требованию или посылкам последнего. Полным совпадением это не назовешь. Не исключено, что два документа отражают разные этапы постепенно разворачивавшихся строительных работ. В таком случае уместно предположить, что строительство первой печи было закончено в январе-марте 1662 г.

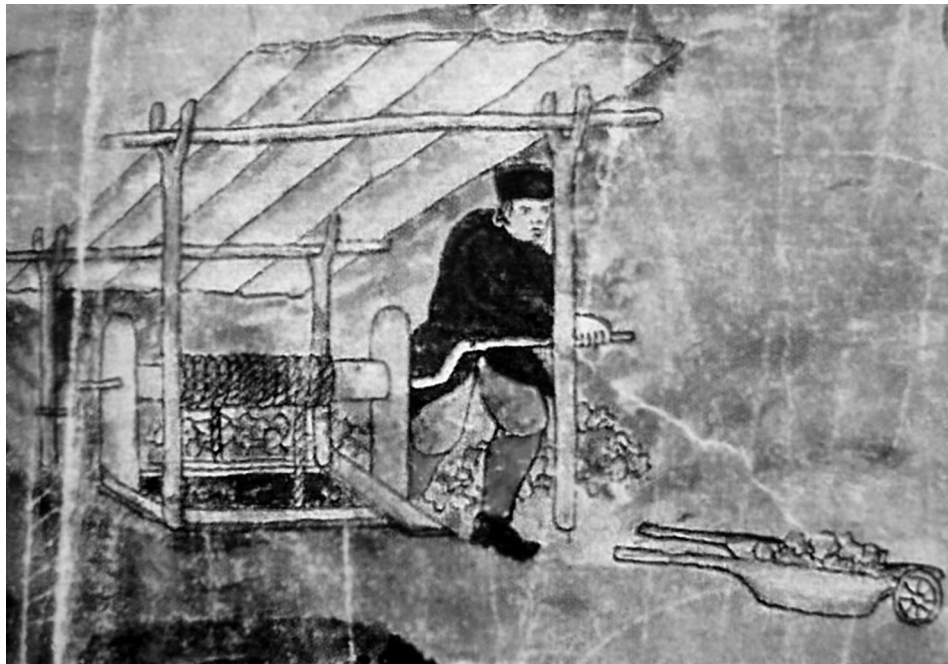
О том, что это предположение имеет право на существование, свидетельствует не только возможность при его посредстве согласовать содержание указов. В его пользу говорит еще один документ, и очень важный. Он рисует картину, какой она сложилась в начале декабря 1662 г., когда Городищенские заводы, переходившие от прежнего их владельца П. Марселиса в казну, описывал посланный сюда для составления переписной книги столичный Афанасий Фонвизин. В этой книге, в частности, отмечено ⁴⁶, что один из расположенных вдоль реки комплексов – завод, названный третьим, – из-за разрушения плотины к тому времени семь лет бездействовал: и домна, и находившаяся тут же мучная мельница – все было «испорчено». Но, несмотря на остановку основного производства, завод не умер. В одном из амбаров Фонвизин обнаружил четыре (!) сделанных «вновь» горна «к плавильному делу серебряные руды». Другой амбар занимали солдаты, присланные сюда «для руды серебряные по наряду» Приказа тайных дел. В качестве начальника над ними назван живший здесь же, на третьем заводе, поручик Андрей Новгородский, видимо, известный нам под несколько отличающейся, но созвучной фамилией *Новротский* ⁴⁷.

Переходя к оценке содержания этого источника, прежде всего, отметим, что в нем с абсолютной точностью указано место, где находился завод: сере-

---

⁴⁶ Вот описание этого завода в переписной книге: «На той же речке Тулице пониже другою заводу с 300 саж. третьей завод, запустел тому ныне 7 лет. Плотине длиннику было 40 саж. На той же плотине был доменной горн до мучная мельница, все испорчено и мельничной онбар ветх. Той же плотины вешняк в прошлом во 166-м году вешнею водою подмыло и все испортило и после того не делано. На том же заводе 2 избы, живут в них мастера угольные. Пушечной онбар, длиннику 10 саж., поперег 7-ми саж., а в нем зделано вновь 4 печи к плавильному делу серебряные руды. На том же заводе государев гранатной онбар длиною 8 саж., поперег 6 саж., крыт лубьем, да 2 избы; а в тех избах и в онбаре живут енералова полку Болмона порутчик Ондрей Новгородской с салдаты для руды серебряные по наряду из приказу великого государя Тайных Дел» (Крепостная мануфактура... С. 25).

⁴⁷ В изданиях записной книги Приказа тайных дел 170 (1661/62) г. и переписной книги на заводы 1662 г. его фамилия – *Новгородикой (-тской)*. Но все изученные нами в подлиннике документы из д. 12 дают другую, хотя и схожую ее форму – *Новротский*. Проблему выбора полностью снимает отпуск указа Игнатъеву от 23 ноября, где говорится о посылке грамоты с поручиком Андреем... Далее ясно читается первоначально написанное *Новгородиким*, зачеркнутое как ошибочное и замененное, с точки зрения писавшего, более правильной формой – *Новротским* (РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 12. Л. 91).

Добыча руды. Фрагменты рисунка из рукописи В. Де Генина «Описание Уральских и сибирских заводов». 1735

броплавильные горны стояли на территории одного из Городищенских заводов – именно, третьего. Полагаем, что наличие здесь подходящих производственных помещений, при том, что заводладельцами они не использовались (завод бездействовал), открывало очень удачную возможность согласования интересов: экспедиция получала прекрасно подготовленную площадку и производственные площади, заводчики – какую-то плату за их аренду. В этом, несомненно, одна из причин, способствовавших продолжению и расширению работ – казне не требовались деньги на строительство, многое удалось получить «под ключ».

Несколько умозаключений по поводу сведений, сообщаемых переписной книгой.

Первое. Собираясь в декабре 1661 г. построить одну сереброплавильную печь, через год их имели четыре. Можно предположить два равновероятных объяснения и, соответственно, сценария событий. По первому, эксперимент, выполненный, выражаясь словами Клерента, «прямым мастерством и уставом», оказался более успешным, чем прежний. В руде оказалось серебро, которое удалось выделить уже на Городищенском заводе. Удача закономерно привела к расширению рамок эксперимента, фактически – к созданию целого производства с цехом, в котором находились четыре плавильных горна. Но, к сожалению, в нашем распоряжении нет упоминающих Клерента документов 1662 г. Это, конечно, не означает, что он не был действующим лицом событий этого года, но задуматься все же заставляет. Так в воображении рождается второй сценарий, в котором новая плавка у Клерента не удалась (согласимся, что есть основания заподозрить его в недостаточной компетенции), но удалась в Москве, и оттуда под Тулу для продолжения работ отправили других, более грамотных рудоплавильщиков. Успешный результат, независимо от того, кто его достиг, автоматически означал продолжение и расширение работ на Тулице.

Второе. В Москве дело тульского «сыска и плавления» не считали законченным даже и в конце 1662 г. На заводе оставались солдаты, следовательно, они были здесь нужны – их трудом пользовались или предполагали пользоваться впредь. Конечно, задержки с отзывом могли носить и случайный характер. Но, зная о достаточно большой потребности в лицах, обеспечивавших службы в Московском государстве, рискуем утверждать, что продержат здесь солдат лишний год без очевидной надобности едва ли бы кто решился.

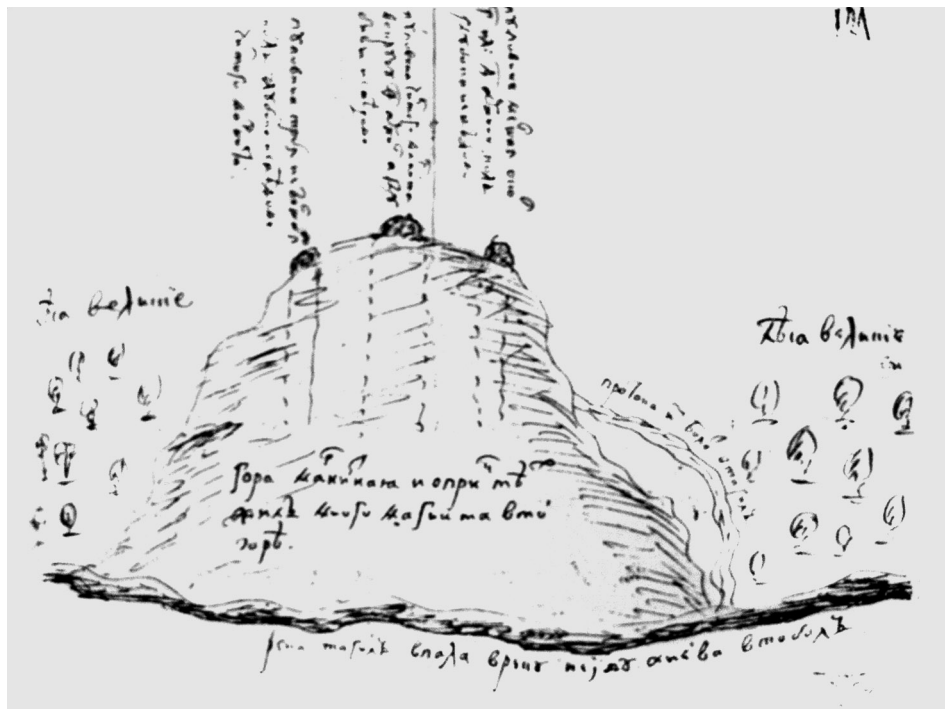
Итак, история тульского серебра продолжалась минимум до конца 1662 г. Для реконструкции событий этого года в нашем распоряжении пока лишь отрывочные документальные данные, о чем остается сожалеть. Но даже они не оставляют сомнения в том, что в этот период на берегу реки Тулицы возник сереброплавильный завод.

Другие, не документальные источники, полностью подтверждают этот факт.

Полевые исследования и их результаты

Местоположение первых доменных заводов – район села Торхова и деревни Слободка на р. Синей Тулице в Тульском у. (ныне Ленинский р-н Тульской обл.) – было установлено еще в 20-е гг. XIX в. академиком И. Х. Гамелем. В 1956 г. здесь работала экспедиция Института истории естествознания и техники АН СССР (руководитель Н. Н. Стоскова, участники О. А. Данилова, Н. К. Ламан, В. Б. Яковлев), выявившая в ландшафте остатки промышленных объектов XVII века и археологическими средствами определившая их исторические границы.

В 1991–1993 гг. исследования возобновила Тульская археологическая экспедиция (руководитель В. П. Гриценко). В то время Городищенские заводы рассматривались как потенциальный объект музеефикации. Для разработки концепции будущего музея представлялось необходимым по возможности более полно исследовать те аспекты истории памятника, которыми определялась его уникальность, – следовательно, и замеченный к тому времени эпизод с сереброплавильным заводом. Необходимо было выяснить значение этой

Географический чертёж с изображением рудной горы (в данном случае – Магнитной горы на р. Тагил)

территории в качестве места расположения объектов индустриального наследия, связанных с ключевыми для истории отечественной промышленности событиями. Все это, создавая базу для выработки стратегии музейного развития объекта, одновременно должно было содействовать текущей работе по обеспечению сохранности памятника.

Частью этой работы, особенно важной на начальном ее этапе, являлось установление местоположения сереброплавильного завода. Эту задачу попытались решить, не прибегая к раскопкам – с применением неразрушающих методов исследования, а именно геохимического анализа. Автор этой статьи предположил, что, если на завод хотя бы раз была привезена серебряная руда, тем более, если проводили плавку на ее основе, то какое-то количество серебра должно было рассеяться в почве в районе производственных построек. Перепашка должна была «размазать» элементную аномалию, усреднив первичные микрофлуктуации состава почвы.

Проверка гипотезы была осуществлена в 1992 г. На участке 375×400 м, охватившем площадь всей верхней и нижней террас 3-го Городищенского завода и, частично, прилегающую территорию на противоположном берегу реки, в 100 точках по сетке с постоянным шагом были взяты пробы почвы. Пробы отбирались из верхнего горизонта почвенного профиля (глубина взятия не превышала 10 см), но поскольку часть проб была отобрана на неоднократно распаханном поле, весьма вероятным было присутствие в них почвы из более глубоких (до 30–40 см) слоев.

Пробы были проанализированы на спектрографе ДФС-8 по 35 элементам, в том числе по Cu, Ag, Pb, Ni, Co, Zn, Sn, Cr, Mn, P. Метод анализа – эмиссионный спектральный полуколичественный. Относительная погрешность результатов анализа составляла (в зависимости от элемента) 10–50%.

Обработка результатов и их графическое представление было выполнено на персональном компьютере АТ/286 с использованием графического пакета SURFER (v. 4.03) фирмы Golden Software. Строились плоскостные (по изолиниям) и объемные диаграммы распределения элементов в почве. Результаты сравнивали с данными контрольных образцов, взятых вне исследовавшейся площадки – в г. Туле и ее окрестностях.

Анализ результатов показал, что для большинства элементов их содержание находится в пределах фоновых значений с незначительными колебаниями в обе стороны. Концентрационная аномалия, выразившаяся в существовании двух пиков (один – двоянный) на площадке верхней террасы на расстоянии приблизительно 200 м друг от друга, была выявлена только для серебра, содержание которого в точках максимумов превышало фоновое (6 г/т) более чем на порядок.

Полученный результат позволяет утверждать, что серебряная руда или, во всяком случае, минералы, содержавшие превышающее фоновое количество серебра, на заводы попадали. Последнее прекрасно согласуется не только с надежными известиями о поисках в близлежащем районе серебряных руд, но и с предположением о некотором успехе, достигнутом при попытке их переработки, – единственном, дающем объяснение столь долгой поддержке этого проекта, развивавшегося от Москвы так близко, что закрыть его в случае явной бесперспективности можно было в несколько дней.

К этому выводу удалось прийти без вскрытия (следовательно, и уничтожения) культурного слоя, что представляло интерес с точки зрения методики охранных исследований, поскольку было сопряжено со значительно меньшими, чем при проведении земляных работ, затратами⁴⁸.

Сказанное, разумеется, не означает, что культурный слой, возможно до сих скрывающий остатки сереброплавильного завода, не может быть исследован. Может и должен. Место, занимаемое этим памятником в истории российской промышленности, настолько уникально, что его нужно исследовать, причем скорее – пока сохранявшиеся многие века следы древней жизни не разрушены современными землепользователями.

* * *

Добиться получения серебра «наичиста, лутчи тово серебра, что делаетца в ыных государьствах», обещал русскому государю саксонский майор рудознавец. Не получилось. Многомесячные труды оказались тщетными, расходы – напрасными. Птица счастья, казалось, позволившая себя приманить, в руки так и не далась.

⁴⁸ Единственная публикация представленных здесь результатов, подготовленная после первого года работ – указанная выше небольшая наша в соавторстве с В. А. Данилиным (выполнившим анализ и обработку результатов) статья 1994 г. – носила предварительный характер. Подробная научная публикация была отложена до завершения работ, к сожалению, не продолженных.

И все же история этой неудачи достойна того, чтобы заняться внимательным ее восстановлением. На примере разворачивавшихся на Тулице событий отчетливо видим, насколько близко стояла Россия к тому, чтобы уже в XVII в. начать промышленное производство серебра, какие усилия для этого предпринимала, какие интеллектуальные и технические резервы привлекала, в каких направлениях действовала. Оказывается, дело не ограничилось настойчивыми поисками руды и сопряженными с этим опытными плавками – дошло до строительства казенного металлургического предприятия. Не хватило мало-го: находки месторождения с подходившей для промышленной переработки серебряной рудой.

Но история несостоявшегося тульского серебра интересна еще и тем, что дает материал для изучения общих закономерностей межкультурного переноса научных и технических знаний. Их анализу будет посвящена наша следующая статья.